

Павел Александрович Кротов
(Санкт-Петербургский государственный университет)

«Золотой мост» для шведской армии в битве под Полтавой?
(к оценке полководческого искусства Петра I)

Полтавская битва 27 июня 1709 г. входит не только в число боевых эпопей, наиболее чтимых русским народом, но и относится к наиболее известным баталиям всемирной истории от времен пирамид до наших дней. Генеральная баталия под Полтавой низвергла шведские претензии на великодержавный статус и, напротив, показала: поднимающаяся на востоке европейского континента Россия обладает уже военно-экономическим потенциалом, позволяющим играть роль великой державы в системе международных отношений Европы. В битве под Полтавой столкнулись в решающей схватке не только ударные силы двух армий, шведской и русской, но также противостояли друг другу два монарха: яркий, непобедимый дотоле полководец Карл XII и великий реформатор Петр I. В баталии под Полтавой были воплощены в практику две столь отличные друг от друга концепции военного искусства. Изучение Полтавской баталии было начато уже ее современниками. Интерес к исследованию знаменитой битвы не угасал никогда, но и поныне остается немалое число невыясненных вопросов. Обозначенная в заголовке настоящей статьи тема, насколько известно автору, не была сколько-нибудь отчетливо поставлена в европейской историографии XVIII — начала XXI столетий.

Итак, во-первых, стоит вкратце напомнить, чем суть выработанной военной теорией античности и средних веков правила «золотого моста»?

С глубокой древности было замечено, что попавшие в полное окружение воины, которые сумели сохранить строй и боевой порядок, способны оказать самое ожесточенное сопротивление и нанести существенный вред, казалось, уже одержавшему победу противнику. До тех пор пока воины держали строй и продолжали сражаться, у них оставалась надежда спастись. Силы попавшего в критическое положение противника, бывало, удесятерялись. Прижатый в угол медведь, как показал опыт, мог нанести смертельные раны нападавшим львам. Практические наблюдения над психикой поведения человека в сражении привели теоретиков военного дела европейского Древнего мира к выведению теории так называемого «золотого моста» для пребывавшего в отчаянном положении и готового бежать (если будет

видна возможность для этого) неприятеля. Существо теории сводилось к тому, что потерпевшего поражение противника, видящего более чем вероятную близкую гибель, но еще не исчерпавшего потенциал сопротивления, следовало искушать иллюзорной возможностью сохранить жизнь бегством. Это искушение безошибочно играло на врожденном человеческом чувстве самосохранения, на глубоко укорененном в подсознании эгоизме людей, выходявшем наружу в случае смертельной опасности. Внесенное этим в ряды противника разобщение создавало условия для полного расстройтва его боевых порядков, панического бегства толп разгромленных врагов в открытом для этого направлении, что использовалось для истребления либо пленения вражеского войска при его преследовании. Предоставление неприятельским войскам «золотого моста» для бегства не делало победу усеченной, но, как показал опыт, она достигалась скорее и с меньшими жертвами. Высокую действенность правила «золотого моста» подтверждает вся история военного искусства Древнего Рима и Византии. Не известно более ни единой победы, полученной в итоге полного окружения главных сил неприятеля, которая была бы подобна той, что одержал над римлянами Ганнибал при Каннах в 216 г. до н. э.¹

Можно ли утверждать, что Петр I был знаком с правилом «золотого моста», с античным и византийским опытом его боевого применения?

Изучение богатейшего военного опыта античности и Византии было общим правилом для полководцев Европы XVII–XVIII столетий. Петр I отнюдь не являлся исключением. По его поручениям был осуществлен перевод на русский язык ряда выдающихся трактатов древности по военному искусству. В 1693 г. царю была преподнесена «Книга о хитростях ратных» — заказанное им переложение на русский язык сочинения Секста Юлия Фронтинна «Стратегемы» (81–96 гг.). В книге Фронтинна имеется особый раздел, излагающий правило «золотого моста» с многочисленными примерами. Он называется следующим образом: «Как выпустить неприятеля, чтобы он, будучи заперт, не возобновил сражения»². Л. Н. Пушкарев отметил, что трактат Фронтинна был довольно точно переведен на русский язык³. Примерно в те же годы Петр I обстоятельно ознакомился с переводом «Записок о Галльской войне» Гая Юлия Цезаря. По прямому указанию царя в 1700 г. было напечатано извлечение из византийского трактата по военному искусству, созданного на грани IX–X столетий под руководством императора Льва VI Мудрого. Вторую часть этой книги образуют выдержки из опубликованной в 1641 г. на латыни в

Амстердаме подборки из военных трактатов прошлого, сделанной С. Старовольским⁴. Там содержится четкая формулировка правила «золотого моста». Следовало не держать неприятелей в полном окружении («супостатов не держать посреде в бою»), опасаясь того, чтобы они, жестоко обороняясь, не нанесли слишком больших потерь («не поразили воинства наша сторона»). В качестве примера приведен случай из боевого опыта Юлия Цезаря, заимствованный в свою очередь из сочинения Фронтинна: «Кай Кесарь, видя немцов посреде (в окружении. — П. К.) крепко биющихся, повеле выпустите, бежащих же гони»⁵.

Как можно доказать, что Петр I применил в битве при Полтаве хорошо известное ему правило «золотого моста»?

Ключевое доказательство, на взгляд автора, — конфигурация полевых укреплений, созданная по указаниям Петра I на местности, где произошла битва, и расположение русских войск в ожидании возможного нападения шведов. Система российских земляных укреплений исходила из того обстоятельства, что шведы могли атаковать силами всей армии только в одном месте — через полностью перекрытую двумя линиями редутов прогалину между двумя лесными массивами. Редуты образовывали своей конфигурацией букву «т», обращенную ножкой в сторону противника, и были заняты сильным отрядом русской пехоты (шесть полков — 4 730 человек) с артиллерией на валах. Промежутки между редутами были таковы, что простреливались на всем пространстве плотным ружейным огнем с близкого расстояния. Прогалина же вела на поле, раскинувшееся перед русским укрепленным лагерем. Если бы «горячий Карлус» рискнул вырвать победу путем стремительного прорыва через линии редутов (что он и предпринял 27 июня 1709 г.), то он бы оказался, так сказать, «в мешке с одной отдушиной». На поле, куда, миновав редуты, попадали шведские полки, они оказывались охваченными с трех сторон полевыми укреплениями россиян и естественными препятствиями. С востока перед шведами возвышался российский полевой ретраншемент, в котором стояли лагерь, согласно чертежам из походной канцелярии царя, 29 регулярных пехотных полков с приданной им артиллерией и весь парк полевой артиллерии⁶ (еще 32 орудия). С севера поле ограничивала болотистая долина, непреодолимая без устройства гатей, по которой текла речка Побиванка. Вдоль этого болота, к северу от него, шла возвышенность, на которой возвышалась линия насыпных земляных укреплений. Во время битвы эту возвышенность, усиленную полевыми инженерными сооружениями, занимали украинские казаки под командованием гетмана И. И. Скоро-

падского. Рядом же с казаками стояли в боевом строю шесть драгунских полков под командованием Н. Ф. Волконского (тактический резерв), которые были хорошо видны шведским солдатам левого фланга в ходе решающего боевого столкновения на Полтавском поле. К югу от шведов после их прорыва на поле, где должна была произойти решающая схватка, оставалось восемь полностью отстроенных редутов, занятых шестью полками россиян⁷.

Во время битвы большая часть шведской пехоты не смогла прорваться сквозь линию из шести редутов, расположенных поперек прогалины между лесными массивами, и вынуждена была пробираться в обход редутов через лесные чащобы и устроенные в них завалы. Шесть шведских батальонов (в сражение было двинуто всего 18 батальонов) вообще не смогли пройти на поле за редутами, были отброшены и пленены. Шведская же кавалерия пронеслась в промежутках между редутами на полном скаку, но со значительными потерями⁸. Когда спустя несколько часов на поле к северу от редутов развернулась решающая фаза битвы, шведские солдаты не могли не помнить ее предшествующей кровавой фазы, состоявшейся у редутов.

Итак, очевидно, что в случае складывания для шведских войск на поле перед русским ретраншементом критической ситуации (для этого Петр I создал все предпосылки) у скандинавов оставался только такой выбор: скорая гибель, плен или же бегство через лес, замыкающий поле с запада. С трех других сторон, как показано, располагались сильные инженерно-полевые сооружения россиян, занятые многочисленными войсковыми группами; с востока же построившиеся в боевые порядки шведское войско атаковали главные силы русской армии. Это и есть случай предложения неприятелю «золотого моста» для отступления.

В «Истории Свейской войны», правившейся рукою первого российского императора, говорится, что образцовое шведское воинство 27 июня 1709 г. удалось обратить в безостановочное бегство на поле перед русским укрепленным лагерем, на второй фазе битвы, достаточно быстро («непобедимая господа шведы скоро хребет показали») и не столь чрезвычайными усилиями. Об относительной «легкости» и малой «цене победы» в этом официальном источнике сказано в следующих словах: «И тако... совершенная виктория (которой подобной мало слыхано) с легким трудом и малою кровию против гор даго неприятеля... одержана»⁹. По словам российского монарха, высказанным в беседе с К. Пипером, первым министром Кар-

ла XII, сдавшимся в плен близ Полтавы, шведы были принуждены к бегству «без особого противостояния»¹⁰.

Есть основания утверждать, что достаточно быстрое обращение на Полтавском поле в беспорядочное бегство значительной части превосходных по боевой подготовке и опыту шведских войск — пехоты и конницы — далеко не в последнюю очередь являлось следствием столь искусно устроенного им «золотого моста» для бегства.

Правило «золотого моста», как сказано, предполагало при соответствующей возможности также организацию преследования беспорядочно бегущего неприятеля с целью его истребления либо пленения. «История Свейской войны» свидетельствует: «швецкое войско ни единожды потом не остановилось, но без остоновки от наших шпагами и багинетами колоты и даже до обретающегося лесу, где оныя пред баталиею строились, гнаны»¹¹. Согласно «Истории Свейской войны», «на боевом месте и у редут» насчитали 9 224 неприятельских тела («кроме тех, которые в розни по лесам и полям побиты и от ран померли, которых щеть было невозможно»). Еще 2 864 шведов попали в плен — всего 12 088 человек. Регулярной русской пехоты, конницы и артиллеристов, согласно названному источнику, погибло в 9 раз меньше — 1345 человек¹². Как оказалось, в официальных источниках отразились только предварительные данные о погибших россиянах, в которых не учтены сведения о части пропавших без вести и скончавшихся от ран. Такие более полные данные выявлены лишь по 13-ти полкам кавалерии. С их учетом можно говорить: в битве с российской стороны погибли не менее 1 494 человек¹³. Сделанное уточнение не меняет сути: разгром шведов при Полтаве был достигнут «малой кровью».

Пленение без единого выстрела на берегу Днепра оставшейся части шведской армии (около 15 900 человек¹⁴) на третий день после битвы, по существу, является логичным завершением начатого на Полтавском поле преследования.

Применение Петром I в битве при Полтаве выработанного долгим военным опытом античности и средневековья правила «золотого моста» лишний раз характеризует русского монарха как полководца, углубленно изучавшего военный опыт прошлого и творчески применявшего его в подходящей обстановке. Одно из прямых следствий этого — блестящий успех русского оружия в Полтавской битве.

¹ Кучма В. В. 1) Введение // Стратегикон Маврикия. СПб., 2004. С. 49–50; 2) Два византийских военных трактата конца X века. СПб., 2002. С. 224–225 (примеча-

ние 345); 3) О стратегии: Византийский военный трактат VI века. СПб., 2007. С. 132 (примечание 428).

² *Секст Юлий Фронтин*. Военные хитрости (Стратегемы). СПб., 1996. С. 95–97.

³ *Пушкарев Л. Н.* Общественно-политическая мысль России. Вторая половина XVII века. Очерки. М., 1982. С. 215.

⁴ *Быкова Т. А., Гуревич М. М.* Описание изданий, напечатанных кириллицей, 1689 — январь 1725 г. М.; Л., 1958. С. 282–283.

⁵ Краткое собрание Лва Миротворца, августейшего греческого кесаря, показующее дел воинских обучение. Амстердам, 1700. С. 122–123.

⁶ Отдел рукописей Библиотеки Российской Академии наук. Галерея Петра I. № 266. Т. 2. Л. 85; Т. 3. Л. 81.

⁷ *Кротов П. А.* «Наступающая крепость» Петра I в битве под Полтавой: (К изучению инженерно-фортификационного обеспечения баталии) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2005. С. 89–98.

⁸ *Энглунд П.* Полтава: Рассказ о гибели одной армии. М., 1995. С. 110–111.

⁹ История Свейской войны: (Поденная записка Петра Великого). М., 2004. Вып. I. С. 304.

¹⁰ *Петрякова М. М.* Триумфальное шествие 1709 г. в Москве в честь побед русских войск над шведами // Шведы в Москве: Материалы российско-шведской научной конференции. Москва, 1–2 июня 2002 г. М., 2002. С. 90.

¹¹ История Свейской войны... С. 303.

¹² Там же. С. 304, 318–319.

¹³ *Кротов П. А.* Полтавская баталия: некоторые дискуссионные и неисследованные вопросы // XV конференция по изучению истории, экономики, языка и литературы Скандинавских стран и Финляндии: Тезисы докладов. М., 2004. С. 108.

¹⁴ История Свейской войны... С. 307–318.